

Т. В. Романова

ТОПОНИМ СОЛОВКИ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОБРАЗ? ПОНЯТИЕ? СИМВОЛ? МЕТАФОРА? КУЛЬТУРЕМА? МИФОЛОГЕМА? ИДЕОЛОГЕМА? АКСИОЛОГЕМА? КОНЦЕПТ?

TATIANA V. ROMANOVA

TOPONYM "SOLOVKI" IN THE RUSSIAN ARTISTIC-PUBLICISTIC DISCOURSE:
IMAGE? NOTION? SYMBOL? METAPHOR? CULTUROLOGEM? MYTHOLOGEM?
IDEOLOGEM? ACXIOLOGEM? CONCEPT?

В статье анализируется содержание, формы воплощения социокультурного знака Соловки в автобиографическом дискурсе русской интеллигенции.

Ключевые слова: образ, метафора, символ, идеологема, аксиологема, мифологема, концепт.

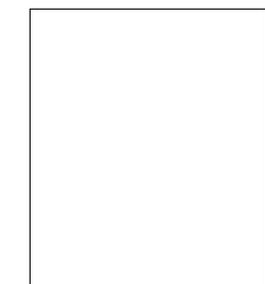
Content, form of realization of the social and cultural sign Solovki is analyzed in the article.
Keywords: image, metaphor, symbol, axiologem, mythologem, concept.

В исповедальном автобиографическом дискурсе русской интеллигенции частотен топоним *Соловки*. Представляется необходимым определить его сущностные характеристики. Что это? Образ? Символ? Метафора? Аксиологема? Идеологема? Мифологема? Концепт?

С философской точки зрения, концепт — «основная единица ментального плана, — содержащаяся в словесном знаке и явленная через него как образ, понятие, символ» [9: 5]. В образе концепт проявляется, воплощаясь в первую содержательную форму, в понятии — осмысливается, осознается, в символе — хранится. Образ субъективно индивидуален, символ — достояние народной культуры, а понятие — категория логики — всеобщее достояние. Сущность концепта существует в понятии, осуществляясь в слове, однако связующей их всех сутью являются семантические переходы между образом, понятием и символом. Таким образом, концепт (от *conceptum*) — «зерно первосмысла <...>, диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределимой сущности бытия в неопределенной сфере сознания» [9: 51]. «Концепт развивается, только постоянно изменяя форму своего воплощения: являясь последовательно в образе, в понятии и в символе» [9: 56]. Концепт может пониматься «как инвариант смысла, значения и **ценности** словесного знака [выделено нами. — Т. Р.]» [9: 81].

Символ можно трактовать как образ идеи в коллективном сознании (А. Ф. Лосев) [мифологема → концепт — Т. Р.], отражающий «национальную субъективность» [1: 41] [идеологема → концепт].

Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип (аксиологический, аксиологема → концепт). Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культу-

**Татьяна Владимировна
Романова**

Доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации

Нижегородского филиала ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“»

► tvromanova@mail.ru

ры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т. д.), этот феномен (культурема, термин Л. Карсавина) формирует в данной культуре концепт [культурема → концепт]. Помимо ценностного элемента, в его составе выделяются фактуальный (понятийный) и образный элементы [11: 54]. В отличие, например, от топонима *Колыма*, образный компонент значения топонима *Соловки* включает не только отрицательные, но и положительные оценочные коннотации.

Рассмотрим содержательные формы проявления концептуального смысла в речи. К числу основных отнесем идеологему, мифологему, аксиологему, культурему, метафору.

Идеологема — «„семантико-тематические“ обозначения духовных ценностей в картине мира языковой личности» [7: 153]. Языковые единицы, создаваясь и функционируя в условиях того или иного исторического дискурса и закономерно испытывая на себе влияние конкретной идеологии, аккумулируют в своем содержании множество ценностно обусловленных коннотаций эпохи (например, дооктябрьский (самодержавный), советский и постсоветский (современный) периоды). В отношении к идеологеме *Соловки* эти коннотации менялись в диахронии. Идеологемы как ценностно мотивированные знаковые образования являются формой воплощения концептуальной идеи, ценности, концептуальной сущности, служащей основой для формирования аксиологических категорий (аксиокатегорий), единицей выражения которых являются **аксиологемы**. С. А. Журавлев предложил распределить идеологемы русского языка по следующим разрядам: аксиокатегория власти, аксиокатегория социального устройства, аксиокатегория образа врага, аксиокатегория религии, аксиокатегория культурно-философских ценностей [6: 7]. Аксиологему / идеологему *Соловки* отнесем в первую очередь к двум последним, хотя в ней, с нашей точки зрения, сочетается семантика всех перечисленных разрядов. К числу идеологем относят и имена собственные. Статусом идеологем могут обладать как одинарные единицы (слова), так и бинарные (словосочетания). Ср.: *Соловки* — аксиологема / идеологема всех разрядов (см. выше), но *Соловецкие острова*,

или *Соловецкий архипелаг* (аксиологема в первую очередь природной, культурной ценности).

На основе совокупности разнообразных историко-функциональных признаков идеологем С. А. Журавлев в своем диссертационном исследовании приводит следующую их классификацию: 1) общие (или диахронические идеологемы — такие единицы, значимость которых является универсальной, т. е. их внешнее и внутреннее содержание будет ценностно актуализировано на любой стадии социально-политического развития общества (*Бог, власть, держава, народ, партия, свобода* и т. д.). <...> на каждом историческом этапе данным единицам будут свойственны свои специфические семантико-когнитивные трансформации — естественное следствие динамики общественного сознания; 2) частные (синхронические) идеологемы — такие единицы, значимость которых будет иметь место только в пределах аксиосферы конкретной эпохи (*император, самиздат, самодержавие, славянофильство, сменовеховство, советский* и т. д.). На других исторических этапах такие слова не имеют ценностно обусловленной актуализации и являются либо просто политемами, либо вовсе не терминологизированными единицами с нейтральным содержанием; 3) описательные идеологемы — вспомогательные дискурсивные единицы, которые, как правило, несут в себе логическую оценку и используются как средство предикации (функционального элемента словарной статьи в пропагандистском разъяснении роли других идеологем (*буржуазный, консервативный, контрреволюционный, мелкобуржуазный, меньшевистский, оппортунистический, реакционный* и т. д.). Такие идеологемы, регулярно употребляясь в стандартных идеологически значимых контекстах, в свою очередь, приобретают ауру внеязыковой оценочности и становятся ценностно актуализированными» [6: 10]. С одной стороны, идеологему *Соловки* можно отнести к идеологемам первого типа, общая идеологема, подвергающаяся в диахронии семантико-когнитивной трансформации. Но, с другой стороны, это не универсальная, а национально и культурно ориентированная, специфическая идеологема. Следовательно, статуса идеологемы, которым обладает рассматриваемое имя собствен-

ное, для данной единицы явно недостаточно, этим ее сущность не исчерпывается. Рассмотрим другие содержательные формы.

Идеологемы могут подвергаться **мифологическому переосмыслению**: их концептуальное содержание обогащается магическими, сакральными смыслами (идеологема → мифологема). При мифологическом переосмыслении семантики знака исходное слово утрачивает как компоненты своих общезыковых значений, так и первоначальную денотативно-сигнификативную отнесенность. Идеологемы могут, например, подвергаться в дискурсе несвойственному им образно-чувственному переосмыслению, нарушающему объективно существующие связи явлений действительности. «Освоение такой идеологемы происходит путем включения в её концептуальное содержание и коннотативную окраску других значимых для личности смыслов и оценок — религиозных, натурфилософских и пр., устанавливаются связи и корреляции, не имеющие соответствия в реальности» [12: 129]. Таким образом, мифологизацией языкового знака является «превращенное отображение языковой и мыслительной действительности в языке. Когда идеологема превращается в мифологему, тогда язык начинает осуществлять когнитивную и коммуникативно-прагматическую функцию в аномальном виде» [12: 135].

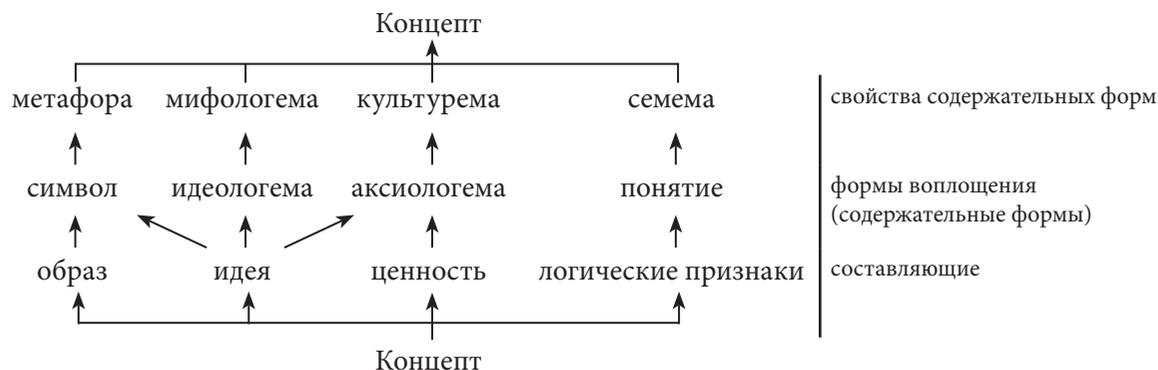
«Идеологема, как единица неоднородная, имеющая двойную конвенциональность (языковую и внеязыковую), наиболее точно раскрывает свою сущность в лингво-семантическом аспекте — в соответствии с концепцией мифологий Р. Барта [2]. В данном случае следует говорить о построении модели идеологемы как знаковой

формы, спроецированной на вербальную основу. Соответственно, идеологема — конкретное знаковое образование с двойным означаемым: одно означаемое естественное, первичное, имеющее языковую природу, другое-мифологизированное, вторичное, закрепленное внешней идеологической конвенцией» [6: 21].

В отличие от идеологемы, в **аксиологеме** как знаке на первый план выступает не денотативно-сигнификативное значение, а ценностно-оценочные коннотации. Если идеологема является знаком культурно значимых смыслов, идей, она приобретает статус **культуремы**.

Метафора «представляет собой отношение образа к символу и — есть процесс» [13: 380], «процесс взаимодействия двух содержательных форм [концепта. — Т. Р.] в пользу третьей — в пользу понятия, воссоздаваемого как результат наложения образа на символ <...>, предикативное свойство содержательных форм концепта — образа, понятия и символа» [9: 182].

Повторим, что «**концепт** есть сущность одновременно каждой содержательной формы слова [шире — знака. — Т. Р.]» [9: 196], а «выбор эмического ряда, представленного в лингвоаксиологии очень широко (аксиологема, идеологема, мифологема, политема, прагмема и пр.), обусловлен хотя и разнообразной, но стройной таксономией и возможностями успешной корреляции» [6: 9]. Если учесть, что «концепт — исходная точка семантического наполнения слова [знака. — Т. Р.] и одновременно — конечный предел развития» [8: 34], то соотношение между рассмотренными выше единицами можно представить следующим образом:

Продолжая разговор об образной составляющей лексемы *Соловки*, обратимся к «Книге паломника Соловецкой обители» [5], в восьмой главе которой обсуждаются «образы Соловков как грядущего града, Небесного Иерусалима, как потерянного рая и одновременно как острова спасения — духовной лечебницы, в которой врачуются души всех притекающих сюда» [5: 2].

«О ты — горний, грядущий Иерусалим! Не одно исстрадавшееся, облитое кровью сердце бьется великою верою в твое пришествие. Не один грустный взгляд измученного устремляется в синюю, бездонную высь, следит за серебристо-белыми облаками, словно испытывая, где сверкают стены этого града, где стоят купола его, где зыблются и шепчут, зеленеют и Цветут благоуханные сады Эдема» [5: 5].

«Согласно Священному Преданию Церкви, храм объемлет всю вселенную и создается, по существу, не только людьми, но и великим Строителем — Словом и существует на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода. Расположенный за морем на краю света Соловецкий монастырь <...> воспринимался как земля обетованная, образ обителей Небесных. Эта ассоциация укреплялась и историей основания монастыря: преподобный Зосима видел „осияние Божественное“ и церковь, стоящую на „воздусе“. Видение Божественного света определило посвящение первого храма Преображению Господню. О явлении церкви, сходящей с небес, тоже не забыли. На одной из икон Преображения XVII века Соловецкий монастырь изображен в виде Града Небесного» [5: 331].

Соловки являются основным образом многих художественных произведений. Остановимся, в качестве примера, на рассказе Н. А. Тэффи «Соловки» [14], который имеет посвящение И. А. Бунину.

Доминантный концептуальный знак *Соловки* вынесен в семантически сильную позицию текста — в заглавие. Композиционно текст разделен на семь частей, каждая из которых семантически и структурно связана с основным образом православной святыни, с оплотом веры. Первая часть — путь к Соловкам. Ключевые слова — *чайки* и *пароход*. Являясь семантическими

доминантами текста, они неоднократно используются автором (занимают позицию повтора) и актуализируют новые смыслы. *Пароход* — не просто вид транспорта, а средство передвижения в другой мир, от блудной жизни в мир без греха, к душевному очищению. Переправа на пароходе связана с метафорой переходного состояния, ощущения неопределенности. *Чайка* — образ свободной птицы, неотъемлемая часть Соловецких островов и моря. Птицы описаны автором как полноправные герои рассказа («*чайки долго провожали пароход, словно шагали*», «*чайка подозрительно смотрела одним глазом*»). Образ птиц является одним из ключевых символов, в котором воплощена тема гармонии с природой, приятия сил природы как данности. Так актуализируется идея о неразрывности человека и природы («*Обе они, и чайка, и поморка, самки одной породы с одинаковыми желтоглазыми детенышами, понимали, что играют друг с другом*», «*Поморки вдруг снялись быстрой стайей, наладили паруса*»).

Данный текст-пример аукториального повествования с экзегетическим повествователем (нарратив от 3-го лица). Однако, несмотря на некую дистанцированность автора от происходящих событий, его отношение и оценка происходящего (которая отчасти соотносится с чувствами главной героини Варвары) проявляется в эмоционально-окрашенной лексике («*В трапезной снова облизывала старуха старым языком ложку и гнусил чтец про блуд, грех и дьявола... «Донимал ханжа, всем назло развивший благочестие до вторых петухов»*). В ряду основных авторских стратегий следует назвать объяснение читателю важнейших догм христианства, в частности: равенство всех людей в греховной сущности своей перед Богом и, как следствие этого, неправильность порицания людьми друг друга, абсурдность суда человеческого на фоне суда божьего. Этому способствует вынесение описания картин страшного суда, притчей Господних о «сучке в глазу ближнего» и «душистой легенды о соблазнах», присущих каждому, в логический центр текста. Автором подчеркивается неспособность человека объективно оценивать свои и чужие проступки.

Дополнительными стратегиями являются описание образа жизни на Соловках — в месте духовного исцеления, формирование в сознании читателей веры в возможность чуда. Первая стратегия реализуется через детальное описание быта обитателей Соловков и паломников. Вторая — через включение в повествование представления обывателей о чуде.

Употребление разговорного варианта номинации (*Соловки*) свидетельствует о том, что образ данной реалии «пропускается» через сознание обычных людей. Это позволяет говорить о *Соловках* как о текстеме, то есть о субкатегории, выражающей основные смыслы произведения, которые представляют идеи событийности в ее пространственных, временных, персонажных проекциях. В данном тексте топоним *Соловки* по своей семантической и ассоциативной наполненности является именем концепта. Рассмотрим его структуру. Ядром (когнитивно-пропозициональной структурой концепта) в рассматриваемом произведении будет выступать православная вера. Приядерная зона формируется различными лексическими репрезентациями именно этой реалии, как-то: *монастырь, заутренний звон, церковь*. Эти уровни концепта представляют общенациональные знания. О периферии допустимо говорить с позиции автора и героев, так как их взгляды на предмет речи коррелируют. Ассоциативно-образные репрезентации транслируют индивидуальные знания, а в конкретном тексте — это субъективные представления о Соловках как о месте, где может произойти чудо. В авторском сознании это не только географический объект, но в большей степени древний центр православной культуры, место паломничества, а также (по принципу метонимического переноса) — люди, населяющие монастырь. Автор смотрит на эту реалию глазами простого паломника, передает внутреннее состояние человека, приехавшего за покаянием. В этом контексте раскрываются концептуальные смыслы, важные для души русского человека, а именно: надежда, связанная с чудесным исцелением, избавлением от грехов.

Сюжет поездки на Соловецкие острова реализован и в повести современного писателя

Алексея Варламова. В повести «Теплые острова в холодном море» [3] речь идет о поездке на Соловки двух друзей, которые посещали остров в студенческие времена. Двое взрослых мужчин и ребенок, сын одного из друзей, неорганизованно, дикарем, а не с экскурсией едут на остров. Оппозиционное восприятие островов передается через внутреннюю диалогическую речь персонажей, тем самым «моделируется» образ Соловков в художественном тексте:

*Павел снова вел с Поддубным мысленный разговор, продолжавший их вчерашний спор на обратном пути с Муксалмы. «Зачем мы сюда приехали, — спрашивал друга Макаров, — и что туту делаем? Как можем **любоваться природой**, ловить рыбу, сидеть у костра, отгонять комаров, пить водку и сытно есть, сентиментальничать, когда **все на островах проникнуто голодом, болью, страданием**, о котором прежде, приезжая сюда несмышленими студентами, мы могли не знать, но теперь то ведь знали! Знали, как привозили на архипелаг из Кеми на баржах несчастных, как привязывали раздетых догола людей к деревьям и оставляли на съедение комарам, загоняли в болото, привязывали к лошадям, морили голодом, выгоняли на мороз, пытали и убивали, и это уж точно никакая **не легенда, но факт**. И если ты любишь **архитектуру и природу**, неужели мало на свете других **прекрасных мест для созерцания и удовольствия**? Ведь, может быть, капитан «Печака» тоже чувствовал нечто подобное и поэтому таким зверем смотрел на праздных людей?» [3: 271].*

В диалоге выявляются следующие семантические оппозиции:

Любоваться природой — Все на островах проникнуто голодом, болью, страданием;

Легенда — факт;

Архитектура, природа — Больной остров;

Прекрасное место для созерцания и удовольствия — Не место для созерцания и удовольствия праздных людей;

«...не правильнее было бы, если бы эти горы, каналы и озера остались неприкасаемыми и не было бы здесь, как в старину, никого, кроме монахов, трудников и паломников, и коль скоро мы с тобой ни под один из этих разрядов не попадаем, то и нечего нам тут делать?» [3: 273] — «люди, которым все прошлое — легенда, и они не хотят ее знать,

но живут так, словно ничего здесь и не было» [3: 272]; «Висели на стенах фотографии бывших заключенных, все было оформлено очень пронзительно, как в маленьком театре, однако в **продуманности** и **преднамеренности** производимого на **посетителей впечатления** чудилось что-то **наигранное, слишком нравоучительное** и тем досадное, и Макаров опять не знал, надо ли рассказывать сыну про кровавую звезду или пусть лучше **острова** останутся в его памяти **местом, где поют птицы, светит** в конце августа **солнце** и веселые, беззаботные люди ходят по желтым песчаным дорогам» [3: 288].

Заголовок повести «**Теплые острова в холодном море**» подчеркивают амбиалентную аксиологическую сущность культуры «Соловки»: «**Острое чувство, что этот красивый и страшный край и есть его возлюбленная, обретенная родина, коснулось светлой души Ильи Поддубного**» [3: 292].

Ценностная суть островов для персонажа и автора — в том отголоске «**угрызенный совети и одиночества, <...> что извлекали из его потревоженной, иссеченной** [Секира. — Т.Р.] души заброшенные северные острова — отоки <...> Отчего тебе покойно и хорошо здесь и почему мучаюсь я? Почему **раздражает** меня эта **покойная красота и кажется неестественной и подлой?**» [3:274]; «**Странный остров <...> то не хотел принимать, теперь не хочет выпускать, устраивает каверзы, обманывает**» [3: 278]; в возможности **знать, что другая жизнь возможна, она постоянно рядом, вход в нее всегда открыт**» [3: 293].

Диалогически оппонирующим является «голос» другого персонажа, чья точка зрения тоже не отвергается автором, что еще более усиливает амбивалентную сущность культуры:

«Вдохновенно и страстно, **озирая не только пространство, но и время** [подчеркивается вневременная значимость рассматриваемой культуры. — Т.Р.], Павел говорил о том, что будущее архипелага **вовсе не за музеем и не за монастырем, не за их прихотливыми взаимоотношениями и сильными пожертвованиями и даже не за льготами для островитян, которых следовало бы добиться не только в случае с музейным катером, но и с местным самолетом, а за расширяющейся взлетной полосой, за частными гостиницами с горячей водой и домашними ресторанами, за шведами, фин-**

нами и фешенебельными корабельными турами из Москвы. Дать деньги не реставрацию, помочь жителям острова найти оплачиваемую работу и устроить человеческую жизнь могут только они, другого пути, как ни выдумывай, нет, монастырского прошлого уже не воротить и наступления новой жизни не остановить, но если бы нашлись предприимчивые, разумные люди, которые бы островами занялись, они бы быстро все подправили и привели в порядок, и тогда земля стала бы опять цветущей, снова паслись бы стада на Муксалме, развели бы рыбу в филипповских садках и вырастили арбузы на южном берегу» [3: 292–293].

Концептуальное содержание, объективированное лексемой *Соловки*, позволяет выявить исповедальная мемуарная проза русской интеллигенции, судьба которой, счастливо и наоборот, связана с островами. Это книги Б. Ширяева, О. Волкова, Д. Лихачева и др.

Стимул *Соловки* актуализирует идеологическую составляющую картины мира, становясь идеологемой, мифологемой, сохраняя при этом статус аксиологемы. Лексема *Соловки* эксплицирует и эстетическую составляющую картины мира. В эстетической оценке природы и искусства выражается взгляд человека на мир, система его ценностей. Этическая оценка природы отражает мировоззрение личности. Например: «*На Соловках все говорит о призрачности здешнего мира и о близости потустороннего*» [10: 227]: Ср. эпиграф к книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада»: «*Не бойтесь Соловков. Там Христос близко*» [15: 5].

Природа Соловецких островов словно создана между небом и землей <...>.

Здесь — большой природный Рай, но одновременно Ад для заключенных всех рангов, сословий, всех населяющих Россию народов! Здесь в этом мире святости и греха, небесного и земного, природа и человек соединились в необыкновенной близости [10: 230].

Счастье — в гармонии взаимоотношений человека и природы, человека и общества, а собственное русскому языку представление о месте человека в мире, и, в частности, в социальной сфере нашло отражение в концептах *свобода* — *воля*. Воля издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами. На эту связь указывает и Д. С. Лихачев:

Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не ограниченным пространством [10: 157].

Данный ассоциативный ряд представлен в ассоциативном поле слова — стимула *Соловки* в книге Олега Васильевича Волкова:

Боже мой! Облитая солнцем гладь моря, свежий его запах, наносимый ветром, легким и ласковым. Вереница мягких сверкающих облаков, улегшихся у самой воды. Крупные чайки лениво машут крыльями, летят рядом, так близко, что различаешь всякое перышко... Простор, воля! Корабль идет плавно и бесшумно, скользит по бесконечной равнине, оставляя позади белеющую пеной дорогу, не исчезающую, сколько хватает глаз. День жаркий, но от воды тянет прохладой. И все вокруг — свет, тепло, тишина — охватывает, словно ласковыми руками, баюкает врачует... [4: 56].

В «Воспоминаниях» О. Волкова происходит символизация языкового знака *Соловки*. *Соловки* являются идеологическим, культурным памятником, знаком:

<...> И если хоть у одного читателя содрогнется сердце при мысли о крестном пути русского народа, особенно крестьянства, о проделанном над ним жестоком и бессмысленном эксперименте, это будет означать, что и мною уложен кирпич в основанию памятника его страданиям [4: 434].

Соловки — знак, памятник «крестного пути русского народа», «памятник его страданиям». Кроме того, это символ веры: «Надо верить, что церковь устоит, — говорил он. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняется хоть крошечные, еле светящие огоньки когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает — потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо — кругом лес, тишина, мрак. Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но «чем ночь темней, тем ярче звезды...» Хорошие эти строки. А как там дальше — вы должны помнить. Мне, монаху, в пору писание знать [владыка Илларион]» [4: 74].

Выявляя образно-концептуальную составляющую единицы *Соловки*, остановимся на книге

Бориса Николаевича Ширяева «Неугасимая лампада», впервые изданной в Нью-Йорке в 1954 году издательством имени Чехова. Книга бывшего преподавателя Московского университета, заключенного первого соловецкого этапа, «состоит из серии рассказов о наиболее ярких событиях и встречах автора на соловецкой каторге. Страшна окружающая действительность («Первая кровь»), но автор больше останавливается на моментах, в которых и на каторге находит свое выражение неистребимое стремление людей к красоте и добру. К ним относится организация театра на Соловках. «Театр на каторге — экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве»... К серии таких светлых эпизодов относятся описание новогодней елки и единственной пасхальной заутрени, которая была отслужена на острове со времени превращения его в концлагерь» [15: 8]. Издатели обращают внимание, что первые советские узники Соловецкой каторги прибыли на остров в 1922 году на пароходе, названном именем знаменитого чекиста, «Глеб Бокий», «но под этим новым названием парохода легко можно было разобрать его старое название «Святой Савватий». В этом автору книги чудится, как нити прошлого переплетаются с нитями настоящего:

«в жизнь Соловецкого монастыря новые времена как бы „вплели омоченное кровью суровье“, вытканное сотнями тысяч людей, согнанных сюда „метелью безвременных лет“.

По зловещей иронии истории новые вершители страны как бы переняли у соловецких монахов учение о спасительной роли труда, организовав на Соловках первую советскую каторгу, где „правонарушители“ трудом должны были искупить „преступления“, совершенные ими перед государством. Впрочем, эту философию советские чекисты разработали позже. В первые годы возникновения Соловецкого концлагеря труд, длившийся 12 часов в день, был лишь формой медленного убийства, даже вне расчетов о коммерческой выгоде» [15: 11]. «<...> он [автор] все чаще стал задумываться над тем, в память каких безвестных страдальцев он пишет: тех ли, что погибли за «древнее русское благочестие» или в память «новых мучеников, положивших свою жизнь за Русь ... грядущую?» [15: 11–12]. Соловецкая каторга для автора была «страшной, зияющей ямой, полной крови, растерзанных тел, раздавленных сердец... над навсег-

да покинутым *святым островом* смерть, только смерть простирала свои черные крылья» [15: 11].

Амбивалентная оценка: *святой остров* — *остров смерти*. Еще раз обратимся к авторскому эпиграфу: «Посвящаю светлой памяти художника Михаила Васильевича Нестерова, сказавшего мне в день получения приговора: «**Не бойтесь Соловков. Там Христос близко**».

Итак, топоним *Соловки*, частотный в исповедальном автобиографическом дискурсе русской интеллигенции как одинарная единица выявляет свое концептуальное содержание через образное, понятийное, символическое содержание. Его можно считать номинацией лингвокультурного концепта, так как в концептуальном содержании значим в первую очередь национально-культурный оценочный компонент. В структуре концепта можно выделить субординатный, базовый, суперординатный уровни, связанные с разными формами-единицами их представления.

Субординатный уровень — понятие, фиксирующее логические признаки: *'природный заповедник'*, *'архипелаг'*, *'остров'*, *'монастырь'*, *'лагерь'*, *'тюрьма'*, а также образно-ассоциативная экспликация указанных логических признаков.

Базовый уровень представляет собой идеологему, «семантико-тематическое обозначение духовных ценностей в картине мира нации» [7: 153]: православная и культурно-историческая святость (культурема). Аксиологическое ее окружение (коннотативное) амбивалентно: как аксио-категория религии, культурно-философской ценности имеет положительный знак (*уникальный природный заповедник, памятник архитектуры, православная святость*), а как категория социального устройства (власти) — отрицательный (*тюрьма, лагерь, место гибели*). Это общая идеологема, аксиологическая сущность которой менялась в диахронии, подвергалась семантико-когнитивной трансформации на каждом историческом этапе (монастырь — лагерь — природно-архитектурный заповедник).

Суперординатный уровень включает обозначение ценностных абстрактных сущностей (*Бог, совесть...*). Знаковыми единицами этого уровня является мифологема (сакральные

смыслы) и символ: «*грядущий град Небесного Иерусалима*», «*потерянный рай*», «*остров спасения — духовная лечебница, в которой врачуются души всех притекающих сюда*» [5: 3], легенда, крестный путь русского народа, памятник его страданиям, символ веры.

Осмысление ценностной сущности знака происходит посредством метафоры, которая является базой для мифологизации знака. В метафорических синонимических заменах топонима *Соловки* используются эмоционально-оценочные (*святой остров, теплый остров*) и образные (*остров смерти*) метафоры. Сферой-донором (по частотности) для метафорического переосмысления понятия *Соловки* являются 1) библейские, мифологические представления: *святой остров; потерянный рай; природный Рай; Ад для заключенных; мир святости и греха, небесного и земного*; 2) медицина: *остров смерти, больной остров*; 3) совмещающая сферу библейского текста и медицины: *духовная лечебница, врачует душу* (функциональная метафора).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 267–280.
2. Барт Р. Мифологии / Пер. вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М., 1996.
3. Варламов А. Теплые острова в холодном море: Повести. Иркутск, 2008.
4. Волков О. В. Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. М., 1989.
5. Во отце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители. Автор-составитель М. В. Осипенко. М., 2008.
6. Журавлев С. А. Идеологема и ее актуализация в русском лексикографическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
8. Колесов В. В. Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3 (№16), 1992. С. 16–25.
9. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.
10. Лихачев Д. С. Избранное: Воспоминания. СПб., 2000.
11. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Минск, 2005.
12. Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова. Н. Новгород, 1998.
13. Теория метафоры: Сб. статей. М., 1990.
14. Теффи Н. А. Соловки // Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. М., 1991.
15. Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. М., 1991.